

Слева на картине — два тритона, трубящие в раковины. Справа две нимфы, подносящие Венере жемчуга. Амуры играют с дельфинами и с голубками и вьются в воздухе над Венерой. Над ними легкие облака. Картина полна оживления, свойственного стилю рококо. Линии взлетают, падают, вьются и снова взлетают.

«Белы голуби станицей
Где откуда ни вьались,
Под жемчужной колесницей
С ней на воздух поднялись,
И, летя под облаками,
Вознесли на звездный холм.
Зевс объял ее лучами
С улыбнувшимся лицом.
Боги молча удивлялись,
На красу разинув рот
И согласно в том признались:
„Мир и брани — от красот“».

На данной картине Буше нет ни «станции голубей», ни «жемчужной» колесницы, но зато есть голуби, жемчуга и задрапированная белой тканью раковина, есть также линия полета, прочерченная в воздухе амурами. На двух картинах Буше: «Сон Венеры» и «Туалет Венеры», также находившихся в коллекции Н. Б. Юсупова, изображена колесница Венеры, запряженная белыми голубями.

Красочная гамма «Рождения Венеры» та же, что в стихах Державина, настроение то же — умиленность с оттенком чувственности, идея та же — утверждение легких земных радостей.

Если отправной точкой для «Рождения красоты» Державина послужила картина Буше — это значит, что он далеко отступил от идеалов и Дидро и Винкельмана.

Винкельман полагал, что строгая красота, созданная по законам искусства, нравится обычному сознанию меньше, чем легкомысленное заурядное личико, которое может говорить и действовать.

«Die Ursache liegt in unseren Lüsten, welche bey der mehresten Menschen durch den ersten Blick erregt werden, und die Sinnlichkeit ist schon angefüllt wenn der Verstand suchen wollte das Schöne zu genießen».¹

«Венера» Буше олицетворяет этот тип легкомысленной, чувственной красоты, слегка загримированной под невинность.

Дидро обрушивался на Буше не раз со всей горячностью своей классовой ненависти к рафинированному искусству аристократии:

¹Winkelmann. Geschichte d. Kunst d. Altertums, 1776, S. 250. «Причины этого лежат в наших склонностях, которые пробуждаются при первом взгляде: чувственность бывает затронута прежде, чем разум насладится красотой».